

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БУЛГАРО-ТАТАРСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIII—XVII вв.

(К вопросу о происхождении казанских и
уфимских татар)

Классификация болгаро-татарских надгробных памятников

Вопрос о классификации болгарских эпиграфических памятников практически впервые был поставлен Н. Ф. Калининым в связи с обсуждением на сессии Академии наук СССР в 1946 г. этногенеза казанских татар.¹

Рассматривая болгарские памятники конца XIII и XIV в., автор разделил их по языку и внешнему оформлению на два основных стиля, различая в то же время и стиль переходный. Существовавшие параллельно, эти два стиля резко различались. Так, к I стилю относились надгробия больших размеров, богато оформленные, с обширным текстом надписей, исполненных рельефным шрифтом сульс на тюркском языке со множеством арабизмов, эпитетов и родословий. Считая эти памятники распространенными в основном на Булгарском городище, автор относит их к „верхушке болгарского феодального общества, преимущественно столичного, в значительной степени арабизированного и пользовавшегося литературным языком того времени, каковым для нижнего и среднего Поволжья XIII—XIV вв. может считаться тюрко-кипчакский язык с сильными элементами арабизма“.²

Ко II стилю относятся памятники, имеющие широкое распространение, отличающиеся малыми размерами, значительно проще оформленные и с коротким текстом надписи,

¹ Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар, стр. 96—104.

² Там же, стр. 104.

исполненной шрифтом куфи, с чувашизмами в языке, без эпитетов и родословий.

Памятники II стиля автор относит к „слою, стоявшему ниже на социальной лестнице: купцам, ремесленникам, менее знатным феодалам, язык которых был менее затронут влиянием литературы и арабской образованности“.³

И, наконец: „Третьего рода эпитафии носят черты переходного характера между первым и вторым стилем. От памятников первого стиля они отличаются меньшим размером, менее богатым оформлением, шрифтом прямых очертаний, но подобны им рельефным выполнением надписей. По сравнению с памятниками второго стиля они не имеют врезанных надписей, имеют большие размеры, текст от 8 до 14 строк, орнаментацию в форме розеток в верхней арочке, иногда выполненную сулюсом первую строку, в некоторых случаях отделенную от остального текста орнаментальной полосой“.⁴

Классификация эта, несмотря на целый ряд существенных недостатков и ошибочных положений, явилась большим шагом вперед в деле практического использования болгарской эпиграфики для пополнения и правильного истолкования истории народов Камско-волжского края. Она содействовала популяризации в научном мире факта существования в древнеболгарском языке известного среди лингвистов так называемого первого диалекта, близкого к современному казанско-татарскому языку. Этим был положен конец одностороннему использованию болгарской эпиграфики в вопросе этногенеза местного населения, что практиковалось долгое время сторонниками болгарской теории происхождения чуваш, использовавшими лишь памятники II стиля, т. е. с „чувашизмами“ в языке, как ошибочно было принято их называть, и оставлявшими совершенно в стороне памятники с языком, близким к современному казанско-татарскому.

Одним из существенных недостатков указанной классификации является то, что она включает лишь болгарские памятники конца XIII и XIV в. и не охватывает памятники XV, XVI и XVII вв., стало быть, не показывает преемственную связь болгарской и татарской эпиграфики.

Не менее существенной ошибкой является вытекающий из этой классификации вывод о классовом характере языка болгарского общества. Утверждение, что два параллельно существовавших стиля эпитафий отражают принадлежность

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 101.

надгробий двум слоям болгарского феодального общества, не подтверждается объективными фактами и противоречит данным науки.

Указанные в классификации Н. Ф. Калинина положения находятся в противоречии также и с имеющимися эпиграфическими материалами. Так, тщательно отделанные, больших размеров и с текстом до 12 строк эпиграфические памятники имеются и среди надгробий II стиля и не обнаруживаются преимущественно только в столице Булгарии, как отмечает автор, но встречаются в большом числе и в других местах (табл. 23, 25, 37).⁵ Как указано выше, согласно этой классификации язык надгробий ремесленников, купцов и менее знатных феодалов отражается в памятниках II стиля, однако мы имеем такие примеры, как памятники „золотых дел мастера“ (табл. 15), памятник „сборщика податей Ибрахима ал-Сувари“ (табл. 12), вся надпись которых целиком исполнена на „первом диалекте“ (т. е. на новобулгарском языке). Последний случай (т. е. надпись „ал-Сувари“, с тюркизмами в языке) еще более противоречит положению о переходном стиле в классификации Н. Ф. Калинина. Что касается эпитетов и родословий, характерных по этой классификации только лишь для I стиля, то их нетрудно найти также и на памятниках II стиля (табл. 11, 16, 17, 37).⁶ Так, на копии с одной такой надписи XIV в.⁷ перечисляется до девяти поколений, причем шестеро из упоминаемых имеют титул *یواری* (*йүварй*). Как видно, памятник этот принадлежал представителю болгарской родовой феодальной знати.

Следует отметить, что с этой классификацией не совмещается и такой факт, как наличие на кладбище при Кирменском городище, называемом *Ханнар зиараты* 'Кладбище ханов', надгробий II стиля, где, судя по названию кладбища, должны были находиться только памятники I стиля. Все исследованные нами там 14 эпитафий написаны на древнебулгарском языке. Наряду с простыми (табл. 34, 35, 36) есть там и довольно изящно оформленные экземпляры (табл. 24, 25, 28).

Ту же картину мы наблюдаем на большом болгарском некрополе у с. Б. Атрясы Апастовского р-на (табл. 18, 19,

⁵ Альбом болгаро-татарской эпиграфии (в библ. КФАН СССР), памятники №№ 221, 222, 227, 229.

⁶ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103—107.

⁷ Хранятся в Отделе редких книг и восточных рукописей Научной библиотеки Казанского гос. университета (№ 4942).

23), считающемся, как гласит предание, остатком довольно крупного болгарского города. Таким образом, имеющийся эпиграфический материал находится в явном противоречии с приведенной классификацией. Здесь следует указать на то, что принятое нами наименование (нумерация) стилей (I стиль — для меньшего числа памятников, написанных на новобулгарском языке, II стиль — для преобладающего числа памятников, написанных на древнебулгарском языке) не совсем оправдано, ибо следовало бы номера поменять местами. Однако учитывая, что наименование это уже известно в научной литературе, и не видя в этом принципиальной погрешности, считаем возможным оставить его без изменения.

Систематически проводившиеся исследования в 1948—1951 гг. в Татарии и в 1953—1957 гг. в Башкирии дали возможность собрать некоторый новый материал по интересующим нас болгаро-татарским эпиграфическим памятникам и лучше их изучить. Был выявлен ряд новых пунктов их сосредоточения и обнаружено немало интереснейших экземпляров.

Благодаря этому стало возможно заполнить такой пробел, как отсутствие памятников за период с середины XIV до конца XV в.;⁸ выявился новый стиль эпитафий второй половины XVII в. Были изучены никем пока не тронутые татарские надгробия XIX в., проливающие свет на развитие стиля и содержащие элементы типологии болгарской эпиграфики. Поэтому настал момент пересмотреть старую классификацию болгарских памятников и дать новую, с более широким хронологическим охватом, с тем чтобы показать преемственную связь болгарских и татарских эпиграфических памятников.

Историческая действительность, обусловившая развитие болгаро-татарской культуры, требует поставить во главу угла новой классификации хронологический принцип, подчинив ему типологический и языковый принципы. При этом последний, очевидно, будет иметь значение только по отношению к памятникам XIII—XIV вв. Что касается регионального принципа классификации, то для этого мы не имеем достаточных данных. Поэтому и памятники Башкирии также рассматриваются согласно данной классификации, но описываются отдельно.

Схематически наша классификация представляется в следующем виде:

⁸ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 148.

Время	Тип надписи		Язык	
	I стиль	II стиль	I стиль	II стиль
XIII—XIV вв.	Сульс рельефный.	Куфи врезанный и рельефный.	Новобулгарский язык.	Древнебулгарский язык.
XV в.	Простой врезанный шрифт; рельефный сульс.		Татарский.	
Первая половина XVI в.	Рельефный сульс.		Татарский.	
Вторая половина XVI и первая половина XVII в.	Рельефный сульс.		Татарский.	
Вторая половина XVII в.	Простой рельефный шрифт.		Татарский.	

Более детализируя эту схему, мы получим следующую картину:

XIII—XIV вв.	Шрифт: сульс рельефный.	Шрифт: куфи врезанный (редко рельефный).	Арабский.	Арабский и древнебулгарский.
	<p>Форма: прямоугольная с вырезанной наверху стрельчатой аркой с плечиками.</p> <p>Под аркой — формула: هو الحى الذى لا يموت وكل حى سيموت редко — шестиконечная звезда.</p>	<p>Форма: прямоугольная с вырезанной наверху стрельчатой или килевидной аркой с плечиками; верх в виде полукруглой арки; верх в виде стрельчатой арки.</p> <p>Под аркой — формула: هو الحى الذى لا يموت وكل حى سيموت формула: الحكم لله العلى الكبير</p>	Арабский и новобулгарский.	Арабский и древнебулгарский.

Время	Тип надписи		Язык	
	I стиль	II стиль	I стиль	II стиль
	<p>Бордюр: линейно-рельефный орнамент.</p> <p>Иногда — орнаментальная полоса между аркой и текстом надписи.</p>	<p>многолепестковая розетка; формула: بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ</p> <p>Бордюр: линейный, иногда линейно-рельефный орнамент.</p> <p>Иногда — орнаментальная полоса между аркой и текстом надписи; редко — надпись на боковой и обратной сторонах.</p>		
XV в.	<p>Шрифт: сульс рельефный; простой врезанный.</p> <p>Форма: прямоугольная; верх в виде стрельчатой арки; верх в виде полукруглой арки.</p> <p>Под аркой — шестиконечная звезда; формула: هوالحي الذي لا يموت و كل حي بسْمِ اللَّهِ سييموت الرحمن الرحيم.</p> <p>Бордюр: редко — надпись; различного характера орнамент.</p>		Арабский и татарский.	
Первая половина XVI в.	<p>Шрифт: сульс рельефный.</p> <p>Форма: верх в виде стрельчатой арки; иногда — в виде килевидной арки; редко — верх в виде полукруглой арки.</p>		Арабский и татарский.	

Время	Тип надписи	Язык
Первая половина XVI в.	<p>Под аркой — традиционный рельефный растительный орнамент с цветами; редко — формула: هو الحي الذي لا يموت و كل حي سيموت.</p> <p>Бордюр: рельефный орнамент — „виноградная лоза“; рельефный орнамент — мелкий трилистник (тюльпанчики); растительный орнамент с цветами.</p> <p>Надпись на боковых сторонах.</p> <p>Надпись-штамп на обратной стороне.</p> <p>Иногда — орнаментальная полоса между аркой и текстом надписи.</p>	Арабский и татарский.
Вторая половина XVI и первая половина XVII в.	<p>Шрифт: сульс рельефный.</p> <p>Форма: верх в виде килевидной арки.</p> <p>Под аркой — традиционный рельефный орнамент с цветами.</p> <p>Бордюр: рельефный растительный орнамент, чередующийся с крестообразной розеткой.</p> <p>Надпись на боковых сторонах.</p> <p>Надпись-штамп на обратной стороне.</p>	Арабский и татарский.
Вторая половина XVII в.	<p>Шрифт: простой рельефный шрифт; редко — сульс рельефный.</p> <p>Форма: верх в виде стрельчатой арки; верх в виде полукруглой арки.</p> <p>Под аркой — врезанный растительный орнамент с бутонами цветов.</p> <p>Бордюр: линейно-рельефный орнамент.</p>	Арабский и татарский.

В интересах решения поставленной задачи, т. е. показа преемственной связи болгарских надгробий с татарскими, считаем необходимым привести здесь имеющиеся материалы по татарским надгробиям XVIII и XIX вв., хотя в них и нет строго выдержанных самостоятельных стилей, а только повторение элементов типологии предшествующих веков.

Время	Тип надписи	Язык
XVIII в.	<p>Шрифт: сульс рельефный; простой врезанный.</p> <p>Форма: верх в виде стрельчатой арки; верх в виде килевидной арки; верх в виде полукруглой арки.</p> <p>Под аркой — рельефный растительный орнамент с цветами; начало текста.</p> <p>Бордюр: растительный орнамент, чередующийся с крестообразной розеткой; рельефный орнамент „виноградная лоза“ (двух типов); обрамление прямой линией.</p> <p>Иногда — надпись на боковых сторонах.</p>	Арабский и татарский; татарский.
XIX в.	<p>Шрифт: сульс рельефный; сульс врезанный; та'лик врезанный.</p> <p>Форма: верх в виде полукруглой арки; верх прямоугольный; верх в виде килевидной арки; верх в виде полукруглой арки с плечиками.</p> <p>Под аркой — начало текста; рельефный растительный орнамент с цветами; формула: هو الحى الذى لا يموت; формула: الحكم لله.</p> <p>Бордюр: рельефный орнамент „виноградная лоза“ (новый вариант); обрамление прямой линией; рельефный растительный орнамент с цветами.</p> <p>Иногда — надпись на боковых сторонах; надпись-штамп на обратной стороне.</p>	Татарский; редко — арабский и татарский.

Заканчивая эту классификацию, отметим, что в болгарскую эпоху (XIII—XIV вв.) имело место наличие двух отличающихся друг от друга стилей эпиграфических памятников.

I стиль — надписи, исполненные рельефным шрифтом сульс на новобулгарском языке.

Эпитафии, исполненные целиком на арабском языке (табл. 2, 4), безусловно принадлежащие представителям болгарской аристократии, мы отнесли к этому же стилю по признаку шрифта (сульс) и других внешних приемов оформления. Наличие арабизмов здесь нужно понимать как проявление жаргонного языка, характерного для духовного сословия.

Обособленное место занимают здесь два памятника, датированные 1382 и 1399 гг. (табл. 44, 45). Отличаясь от других камней I стиля типологически, они все же должны, по нашему мнению, быть отнесены к I стилю и в этой группе памятников являются переходным звеном от эпитафий XIII—XIV вв. к эпитафиям XV в.

II стиль болгарских эпиграфических памятников характеризуется главным образом куфическим шрифтом и исполнением текста надписи на древнеболгарском языке (II диалекте болгарского языка, как мы его раньше называли).⁹ По другим мелким типологическим признакам этот стиль более разнообразен, чем I стиль. Самые поздние памятники, исполненные на этом языке, датируются 1359 г.¹⁰

Сам по себе факт наличия в эпитафиях XV в. только одного татарского языка, согласно принципу нашей классификации, определил и существование единого стиля, хотя имеющееся небольшое число памятников этого периода являет большую типологическую пестроту. Особое место среди них занимает памятник из с. Ср. Аты с надписью на бордюре (текст 3).

Первая половина XVI в. дает нам довольно однородный стиль со стройным шрифтом сульс, с текстом на татарском языке, кроме коранических формул, и другими довольно устойчивыми типологическими признаками (традиционный орнамент под аркой и на бордюре). Имеется ряд памятников XV в., являющихся типологически переходными к этому стилю (табл. 56).

На основе этого стиля во второй половине XVI и первой половине XVII в. вырабатывается стиль памятников, отличающихся от предшествующих (т. е. памятников первой половины XVI в.) лишь формой арки и несколько своеобразным

⁹ В. Г. Юсупов. К вопросу об истории и классификации болгаро-татарской эпиграфики, стр. 52.

¹⁰ Однако некоторые типологические элементы этого стиля сохранились на надгробиях даже XIX и XX вв., не говоря уже о более ранних.

орнаментом на бордюре. Как единый стиль он существовал до середины XVII в., а позднее продолжал бытовать наряду с другим стилем до середины XVIII в.

Во второй половине XVII в. мы видим довольно однородный стиль, характеризующийся нестройным рельефным шрифтом, с надписью на татарском языке и врезанным стилизованным растительным орнаментом под аркой (табл. 73, 74).

В небольшом нашем материале XVIII в. наблюдаются в основном лишь пережитки более старых стилей, особенно XVI и XVII вв.

Примечательна массовая вспышка пережитков типологических элементов всей хронологической лестницы булгаро-татарской эпиграфики в XIX в., особенно в первой половине его, на надгробиях казанских татар.

Этот — изложенный пока довольно схематично — путь развития булгаро-татарской эпиграфики мы ни в коей мере не должны рассматривать вне исторической действительности, исходя из того, „что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества“.¹¹

О существовании у булгар письменности до появления у них арабского шрифта, кроме сообщения Ибн ан-Надима (X в.), мы не располагаем пока другими письменными источниками. В своей книге „Перечень“ он упоминает, что булгары и туббаты употребляют письмена китайцев и манихейцев.¹² Из местной археологической практики мы знаем много случаев находок булгарских вещей, особенно керамики, с изображениями различных знаков — тамг (рис. 1, 2).

Большой интерес в этом свете представляют надписи из Новочеркасского музея и Маяцкого городища на Дону, первые из которых были расшифрованы А. М. Щербаком, исходя из основ древнетюркских рун.¹³ Датируя VIII—X вв., М. И. Артамонов считает возможным отнести их к памятникам хазарского или болгарского языка.¹⁴

Поразительно сходство некоторых собранных нами тамг, многократно повторяющихся в различных районах ТАССР,

¹¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951, стр. 21.

¹² Kitāb al-Fihrist, hrsg. von G. Flügel, Leipzig, 1871, стр. 20; ср.: А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до X в. по Р. Х.). СПб., 1870, стр. 241—242.

¹³ А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. Сов. археология, т. XIX, 1954, стр. 271—273.

¹⁴ М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. Сов. археология, т. XIX, 1954, стр. 266—268.

со знаками письма орхоно-енисейских тюрок, аналогично тамгам других тюркских народов.¹⁵ Опубликованные в печати начертания знаков древнеболгарской письменности¹⁶ близко напоминают татарские тамги, а также древнетюркские знаки письма. Здесь нельзя пройти мимо факта сходства татарских тамг со знаками пиктографического комплекса из Хорезма.¹⁷ В связи со всем этим некоторую силу приобретает высказанное проф. М. А. Фазлуллиным мнение о существовании у болгар доарабской письменности¹⁸ и становится интересным сходство знаков на керамике из Саркела с татарскими тамгами, а также предположение А. М. Щербака, что эти знаки есть знаки письма.¹⁹ К утверждению о бытовании рунического письма приходит в своей интересной работе Х. Р. Курбатов.²⁰

Этот неисследованный интереснейший вопрос болгаро-татарской культуры должен привлечь внимание наших ученых. Пока же остается ограничиться предположением, что имевшие место у казанских татар тамги являлись остатком древнеболгарской письменности, скорее всего, типа надписей Маяцкого городища.

Если учесть, что в древности понятие тамги означало и грамоту,²¹ то предположение это, кажется, содержит зерно истины. В этом отношении небезынтересен болгарский памятник с вертикальным расположением строк, что, возможно, является далеким отзвуком традиций древнетюркских надгробий (табл. 38).²²

Появление арабской письменности у болгар, очевидно, надо отнести ко времени еще до официального принятия ими ислама (922 г.). Так, самые древние монеты, чеканенные

¹⁵ Н. Малицкий. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1897—1898 гг., стр. 43—46.

¹⁶ А. П. Окладников. История Якутии, т. I. Якутск, 1949, табл. XXXIV.

¹⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 74—75.

¹⁸ М. А. Фазлуллин. Письмо, орфография и фонетическая транскрипция в татарском языке. Казань, 1952, стр. 21—22. (Рукопись на татарском языке; хранится в Казанском педагогическом институте).

¹⁹ А. М. Щербак. Знаки на керамике из Саркела. Эпигр. Востока, XII, М., 1958, стр. 53—58.

²⁰ Х. Р. Курбатов. Доарабский алфавит волжских болгар. Журн. „Совет әдебияты“, 1957, № 10, стр. 112—117. (На татарском языке).

²¹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 121.

²² С. Е. Малов. Болгарские и татарские эпиграфические памятники. Эпигр. Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 48.

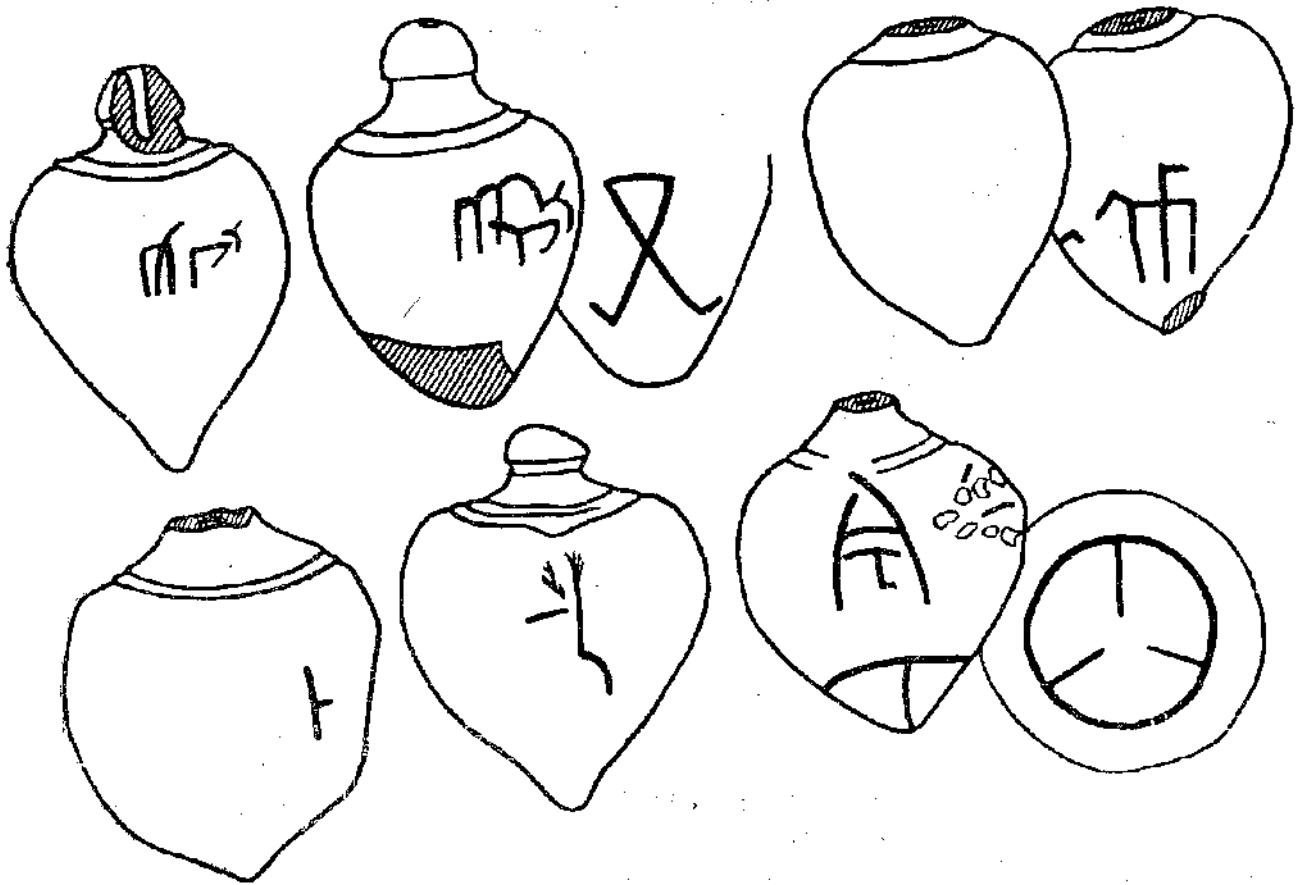

Рис. 1. Булгарские сфероконусы со знаками.

Рис. 2. Сфероконические сосуды с надписями.

в Булгаре куфическим шрифтом, являющиеся подражанием саманидским монетам, датированы 918 г.²³

К X—XI вв. относится описанное П. В. Савельевым зеркало с куфической надписью, найденное близ развалин Булгара.²⁴

В слоях, датируемых этим же временем, в 1955 г. в с. Балымеры (Куйбышевский р-н ТАССР) найдены четыре фрагмента керамики с арабской надписью.²⁵

Куфическая надпись на болгарском замке из Биляра датируется 541 г. хиджри (1146 г.).²⁶

Очевидно, к домонгольскому периоду относится найденная проф. А. П. Смирновым в Суваре янтарная печать-привеска, также с куфической надписью *ارسلان* (Арслан).²⁷

О самой древней болгарской надписи с билярского кладбища мы знаем из сообщения Н. П. Рычкова. Памятник этот, датированный 1173 г., до нас не дошел, так же как и все надгробия из Биляра.

Другое наиболее раннее болгарское надгробие, известное также только в литературе, датировано было 642 г. хиджри, т. е. 1244 г. Исследованное Г. Ахмаровым в с. Ямбухтино Тетюшского р-на и находившееся тогда на пороге сельской церкви, оно имело „красивую надпись сульсом“ и, как видно из уцелевших его следующих слов:

„الدندا لم ياشندا عدد
تاريخ التي يوز قرق ايكي ده ٤٤٢“

„ . . . . . 84 лет . . . . .“

По летоисчислению в шестьсот сорок втором,²⁸ язык его был близок к современному казанско-татарскому языку. Памятник по этим признакам должен относиться к I стилю болгарских надгробий. Кстати, дата этого памятника (самого

²³ Р. Р. Фасмер. О монетах волжских болгар X века. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., 1925, т. XXXIII, вып. 1, стр. 29, 40.

²⁴ П. В. Савельев. Описание двух металлических зеркал с арабской надписью, найденных близ развалин Булгара. Зап. Археолог. общ., т. IV, 1851—1852, стр. 74.

²⁵ Выражаю свою искреннюю благодарность проф. А. П. Смирнову за присылку фотоснимков с этих фрагментов, а также ряда других материалов.

²⁶ С. Е. Малов. Замок из Билярска с арабской надписью. Зап. колл. востоковедов, т. II, Л., 1926, стр. 155.

²⁷ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 263.

²⁸ Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 125.

древнего из датированных), написанного на новобулгарском языке почерком сульс,²⁹ опровергает необоснованные утверждения Н. А. Андреева, что „булгарские памятники с чувашизмами являются более древними, чем памятники, содержащие кыпчако-татарские слова“, и что „памятники с кыпчако-татаризмами появляются несколько позже, в первой четверти XIV в.“.³⁰ Все эти очень натянутые утверждения опровергаются синхроничностью этих двух стилей булгарских надгробий.

Имеющийся ныне ранний булгарский памятник, найденный у с. Русск. Урмат Высокогорского р-на ТАССР в 1951 г. Н. Ф. Кадининым и прочитанный мною, датируется 680 г. хиджри, т. е. 1281 г.

Начиная с конца XIII в. и до 60-х годов XIV в. этих надгробий мы находим много, особенно относящихся к первой половине XIV в.

Тот факт, что время массового распространения этого вида лапидарной эпиграфики совпадает со временем появления в значительном числе и булгарских каменных архитектурных сооружений, датированных также концом XIII и XIV вв., говорит об общей обусловленности того и другого периодом нового культурно-экономического подъема Булгарии, после того как она оправилась от разорительного нашествия монголов.³¹

Господство Золотой Орды пагубно отразилось на экономической жизни Булгарского государства.³² Так, после монгольского разгрома 1226 г. потерял свое былое величие г. Биляр, о надгробных памятниках которого за этот период мы не имеем почти никаких сведений. После того как Булгария оправилась от этого первого поражения, в 1361 г. происходит разгром ее Булат-Тимуром, в результате чего она уже ослабевает окончательно. Происходит деградация развития и духовной культуры.³³ Если судить по эпиграфическим памятникам, эта деградация особенно чувствительна в конце XIV и в начале XV в., когда традиция установления памятников временно вышла из практики. Так, за период с 1358 по 1443 г. всего-навсего зарегистрировано два довольно простого оформления эпиграфических памятника далеко от центра Булгарского государства (табл. 44, 45), в се-

²⁹ Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашаи, стр. 99.

³⁰ Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные..., стр. 244.

³¹ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 54.

³² Х. Г. Гимади. Народы среднего Поволжья..., стр. 204.

³³ Там же, стр. 209.

лах Ямашурма Высокогорского р-на и Б. Нырсы Тюлячинского р-на ТАССР.

Политику исламизации, которую проводила Золотая Орда при ханах Берке и Узбеке,³⁴ нужно понимать как стремление Орды укрепить свое шаткое положение мерами не только административно-политического, но и духовного воздействия, что особенно чувствовалось к середине XIV в. Несомненно, это, в свою очередь, не могло не отразиться и на положении зависимого Булгарского государства. Вполне прав проф. А. П. Смирнов, считая показателем широкого распространения мусульманства массовое появление с конца XIII в. и в первой половине XIV в. эпиграфических памятников.³⁵

Памятники эти, с их непонятными для широких масс народа арабизмами, были для них своего рода символами, обожествлявшими личность представителей правящей феодальной верхушки; поэтому так много тогда и развелось на болгарской земле всяких *аулия* 'святых', что мы видим из книги историка XVI в. Шараф ад-дйна Булгарй.³⁶ В этой книге сама топография могил духовенства — проповедников, — охватившая всю болгарскую землю, как основную ее часть (гг. Булгар, Биляр), так и периферию — север (Кутлу-Букаш Кзыл-Юлдузского р-на, Узюм Тукаевского р-на), запад (Ширдан Нурлатского р-на, Куккуз Апастовского р-на), восток (Западная Башкирия), — говорит о большом размахе пропаганды ислама.

С этим фактом, т. е. распространением волжскими булгарами мусульманства в башкирских землях, ряд авторов связывает, в частности, наличие там мавзолея Хусейн-бека с надгробным памятником XIV в. (1339 г.); Хусейн-бек предположительно считается болгарским проповедником ислама, а сам памятник „произведением эпохи болгарского влияния в Заволжье“.³⁷

Шараф ад-дйн Булгарй также приводит много имен проповедников ислама в Булгарии родом из Средней Азии и воспитанников религиозных школ Хорезма и Бухары. Могилы многих из них находятся в самом Булгаре. В этом свете

³⁴ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 80—91.

³⁵ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 76.

³⁶ Шараф ад-дйн Булгарй. История Булгарии. Казань, 1902, стр. 17—25. (На татарском языке).

³⁷ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 57.; В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии. Зап. Археолог. общ., т. XIII, СПб., 1857, стр. 280.

интересны надгробия I стиля, найденные на Булгарском городище, принадлежащие среднеазиатцам: Хасану-Самарканди, Хайбетлю ибн Мухаммеду-аль-Дженди и Шах Курасан ибн Мухаммед-шейху ал-Кердари.³⁸ Упоминает Шараф ад-дйн и о похороненном в Хорезме булгарском имаме Хавахир-Заде Булгари.³⁹

Все это лишний раз говорит о большой роли Средней Азии, в частности Хорезма, в исламизации Булгарии, которая в свою очередь была мусульманизирующим центром в Поволжье. В последнем мы убеждаемся и из истории Идриса хальфы, который, будучи проповедником в башкирских землях, был оттуда изгнан и проживал до конца жизни в своем родном селении Тябердино-Чаллы (Кзыл-Юлдузского р-на ТАССР).⁴⁰

Останавливаясь на этой мусульманизирующей роли Средней Азии, А. Ю. Якубовский говорит: „Из средней Азии оно (т. е. Булгарское государство, — Г. Ю.) приняло ислам, который был поддержан халифским посольством из Багдада в 921—922 г. Булгары рано стали культурным мусульманским центром и в этом направлении оказывали немалое воздействие на соседей тюрков-кочевников, особенно на печенегов, а затем и половцев“.⁴¹

Возможно, к числу мусульманских проповедников принадлежат упоминаемые в найденных на Булгарском городище надгробиях I стиля — Садр эд-дин ал-Ширвани, Махмуд ибн-Исмаил аш-Шемахи; здесь мы видим также „Шейха И... поклонника бога отшельника . . . — эддина ал-Ширвани“.⁴²

Ряд исследователей — А. С. Башкиров, А. П. Смирнов и др. — особо подчеркивают связь искусства и архитектуры Булгарии, особенно в XIII—XIV вв., со Средней Азией и Кавказом. Так, традиционное украшение архитектурных сооружений декоративным арабским письмом (куфи и сульс) широко применялось и булгарскими мастерами. Об этом свидетельствуют уцелевшие значительные образцы изразцовой строительной эпиграфики.⁴³

На хранящемся в Государственном музее ТАССР фрагменте подобной изразцовой мозаики из г. Булгар мы видим

³⁸ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 111—113.

³⁹ Шараф ад-дйн Булгарий. История Булгарии, стр. 21.

⁴⁰ Там же, стр. 23.

⁴¹ См. выступление А. Ю. Якубовского на сессии Академии наук СССР, посвященной этногенезу казанских татар: сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 131—132.

⁴² И. Березин, Булгар на Волге, стр. 110, 115, 124.

⁴³ Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, стр. 28.

двукратное повторение формулы الله الملك (табл. 46).⁴⁴ Формула эта часто фигурирует на архитектурных памятниках Средней Азии, например в мавзолее Ходжа Ахмада (Самарканд, Шах-и-Зинда, XIV в.),⁴⁵ в мавзолее Наджм ад-дина Кубра (Ургенч, XIV в.). Как тождественны техника и орнамент болгарской изразцовой керамики с майоликой последнего памятника, так и указанная надпись, найденная в Булгаре, являет палеографически поразительное сходство с такой же формулой, повторяющейся четыре раза на внутреннем архивольте порталной ниши этого мавзолея, построенного в 1321—1336 гг.⁴⁶

Не исключена возможность, что указанный фрагмент из Булгар с этой формулой является остатком портала, существование которого подтверждают раскопки 1892 и 1915 гг. в „Четыреугольнике“ (главной мечети г. Булгара).⁴⁷ Культурно-экономическое и политическое влияние Хорезма на болгар (особенно на архитектуру их) отмечают В. В. Бартольд,⁴⁸ В. В. Егерев⁴⁹ и др.

Булгарские надгробия I стиля (XIII—XIV вв.)

Судя по небольшому числу этих надгробий (табл. 2, 4, 10, 12, 15, 22, 44, 45, 49 и др.), средние размеры их таковы: длина 130—150, ширина 55—60, толщина 20 см. Выделяются среди них своей величиной два памятника: 1) найденный в Булгарах и вмозанный в стену вестибюля Научной библиотеки Казанского государственного университета (табл. 4) — длина 285, ширина 70, толщина 18 см; 2) самый большой из болгарских надгробий — памятник (табл. 2) из б. Архиерейской дачи близ Казани — длина 350, ширина 92—96, тол-

⁴⁴ М. Г. Худяков. К вопросу о датировке болгарских зданий. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. IV, Казань, 1930, стр. 41. — Мы, не будучи согласны с ранними и последним чтением этой формулы Комиссией по болгаро-татарской эпиграфике (الله الملك : Альбом болгаро-татарской эпиграфики в библ. КФАН СССР, №№ 60, 61, 62), даем свое чтение.

⁴⁵ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. Л., 1939, стр. 143.

⁴⁶ А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 2, 1930, стр. 62.

⁴⁷ В. В. Егерев. Ближайшие задачи по изучению и охране архитектурных памятников древних болгар. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. I, Казань, 1927, стр. 49.

⁴⁸ В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 42.

⁴⁹ В. В. Егерев. Архитектура города Болгара. Материалы и исследования по археологии СССР, № 61, М., 1958, стр. 361.

шина 38—40 см; этот памятник является древнейшим письменным памятником Казани, он же считается по своему оформлению и самым лучшим из болгарских надгробий.¹

Среди надгробий I стиля нет плит малых размеров, какие есть среди памятников II стиля.

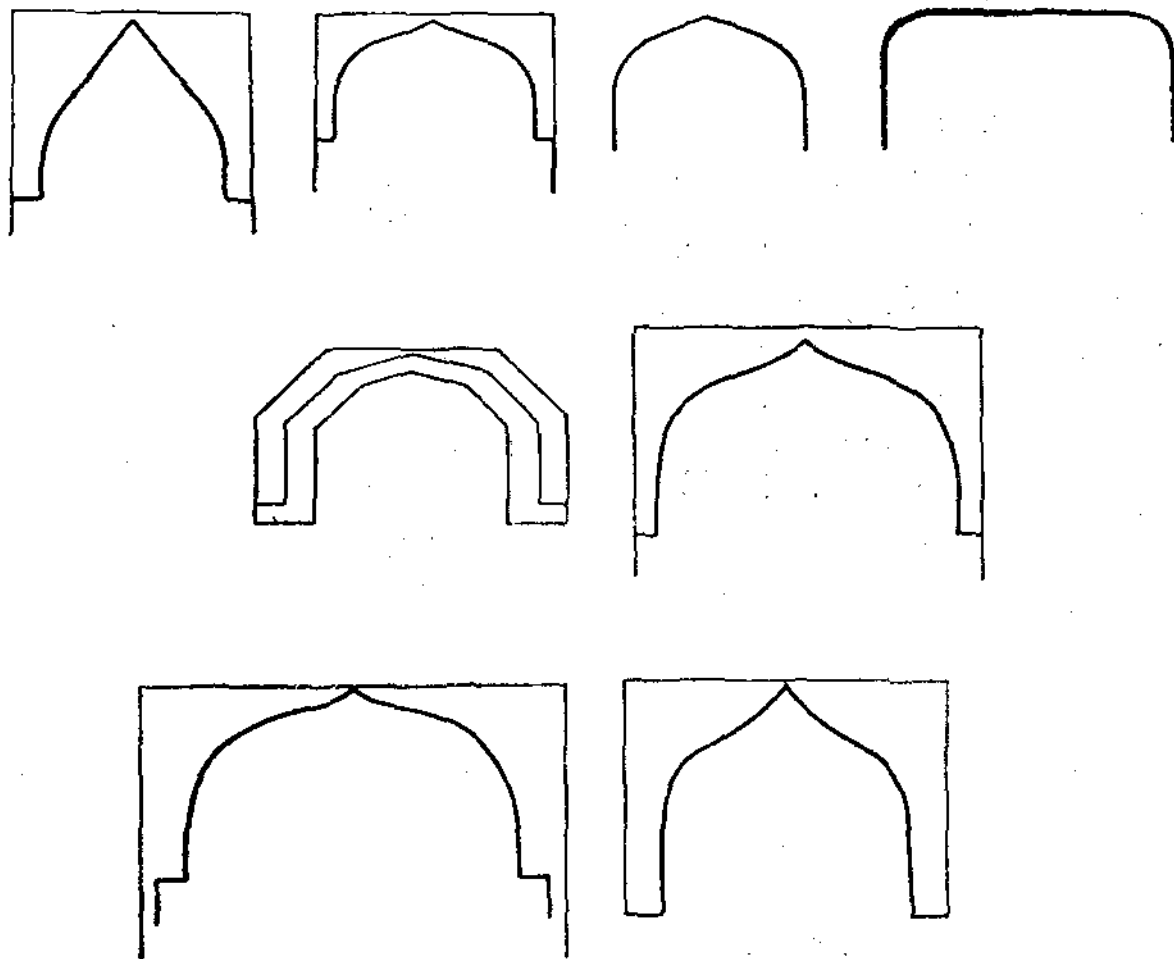

Рис. 3. Формы верхней части болгарских надгробий I стиля.

Нельзя не отметить здесь некоторую связь между размерами надгробий и измерениями архитектурных сооружений Булгара, установленную Н. Ф. Калининым и А. П. Смирновым и выражающуюся в предполагаемом единстве меры длины — локтя, — равной 40 см.²

Характерной чертой формы почти всех болгарских надгробий, в основном прямоугольных плит, является высеченная

¹ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар, т. 1, стр. 28; Н. И. Ашмарин. Об одном мусульманском могильном камне. . . , стр. 94—95.

² Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Реконструкция болгарской бани XIV в. Кр. сообщ. Инст. ист. матер. культ., вып. XIII, 1946, стр. 32.

в верхней части стрельчатая или килевидная арка с плечиками, исполненная стесыванием остального пространства вне арки на глубину до 5 см (рис. 3). Арка эта придает надгробиям определенную законченность, совершенство формы.

Судя по большой распространенности надгробий со стрельчатой аркой, выгодной конструктивно и строгой по форме, она, должно быть, широко применялась в болгарской архитектуре так же, как в среднеазиатской и древнерусской.³ Мы это видим и из формы оконных проемов и ниш Черной палаты.⁴ Кроме изображения ее на мелких болгарских вещах, мотив стрельчатой арки зафиксирован на орнаментации внутренней ниши Малого минарета, которая также высечена в этом стиле.⁵ Поразительное сходство с болгарскими надгробиями со стрельчатой аркой обнаруживает каменная рельефно-фигурная плита из Белой палаты, использованная там для вывода водосточного крана над бассейном (хранится в Государственном музее ТАССР, № 3363-59).⁶ За все время развития стиля болгаро-татарских надгробий арка эта является характернейшей формой. Не говоря уже о XIII—XIV, XV, XVI, XVII вв., когда она была преобладающей, а подчас и единственной формой (XVI в.), стрельчатая арка наблюдается и на надгробиях XIX в. Излюбленным мотивом она считалась и в народном творчестве казанских татар (в вышивках „намазлыков“, ковриков и др.).⁷ Наконец, как пример использования этой традиционной формы в современной архитектуре казанских татар, можно указать на построенный в Казани жилой дом по ул. Дзержинского, а также на Театр оперы и балета, в архитектурно-художественном оформлении которого широко применены орнаментальные мотивы из народного творчества, — в частности, сходные с таковыми на интересующих нас надгробиях.

Отношение высоты арочной части ко всей длине надгробия — от 1:4 (табл. 7, 10) до 1:3 (табл. 14—15). Что касается пропорции самой арки на надгробиях, то отношение стрелы подъема к пролету арки — 3:4, 1:2, 1:4, 3:5, т. е. арки преимущественно крутые (в подсчет не входит длина плечиков, равных каждый от 3 до 10 см).

³ В. В. Еггере в. Ближайшие задачи... , стр. 43.

⁴ Булгары. Черная палата. Казань, 1951.

⁵ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 208.

⁶ Там же, табл. XII, рис. 140.

⁷ П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент. Казань, 1948, стр. 8, табл. 13.

Таким образом, в I стиле надгробий арки также высокие, ничем почти не отличающиеся по своим пропорциям от арок надгробий II стиля.

Характерной чертой надгробий I стиля является заполнение внутренней поверхности арки — тимпана — традиционной формулой *هوالمى الذى لا يموت وكل حى سيموت*, которая большей частью берется сокращенно: *هوالمى الذى لا يموت*.

Пространство вне арки, за редкими исключениями (табл. 2, 49), ничем не украшено; в указанных случаях оно заполнено растительным орнаментом. Указанной заглавной формулы мы не находим только на двух болгарских надгробиях I стиля, которые являются переходными к стилю XV в. На одном из них (1399 г.) арка совершенно отсутствует (табл. 45), другое же — с не характерной для I стиля, пологой и еле заметной ломаной аркой — имеет под ней шестиконечную звезду (табл. 44).

Весьма редко практиковалось нанесение надписи на боковые грани и обратную сторону памятников. Очень слабой сохранности надпись имеется на боках болгарской плиты из Черной палаты.

По характеру бордюра памятники I стиля бывают трех родов: одни не имеют бордюрного украшения (табл. 12), у других края плиты обрамляются двумя прямолинейно идущими рельефными валиками (табл. 4), у третьих бордюр представляет рельефно-плоскую полосу (табл. 10).

На многих памятниках I стиля (не на всех) имеется украшение между основным текстом и заглавной формулой, заполняющей внутреннюю поверхность арки. В большинстве случаев это полоска рельефно высеченной „виноградной лозы“ с крутыми изгибами стебля и с крупными листьями (табл. 10). Аналогичную „виноградную лозу“ можно видеть и в русском искусстве XIII в.⁸ Бывает орнамент и несколько другого типа, где растительность более стилизована (табл. 4).

Следует отметить поразительное сходство этого последнего варианта „виноградной лозы“ с орнаментом на металлическом зеркале из Булгар, описанном Н. Ф. Катановым.⁹ Зеркало это, в надписи которого мы обнаруживаем большую палеографическую близость к почерку надгробий I стиля, несомненно нужно отнести, хотя бы по этому признаку,

⁸ История русского орнамента с X по XVI век. М., 1870, табл. XXX.

⁹ Н. Ф. Катанов. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью. Казань, 1898, стр. 2, 5.

к произведению болгарских мастеров и датировать его XIII—XIV вв., а не считать предметом ввоза в эпоху „торговых отношений России с восточным халифатом в IX—XI вв.“, как предлагает Н. Ф. Катанов.

По тем же признакам к этой категории следует причислить и зеркало, найденное в кургане Нижней Дуванки Купянского уезда. Как признает сам Н. Ф. Катанов, они вполне тождественны.¹⁰

* * *

По языку в нашей классификации различается: 1) текст полностью на арабском языке, 2) текст на арабском и новобулгарском (I диалект) языках, 3) текст полностью на новобулгарском языке (кроме заглавной формулы, исполненной на арабском языке). Укажем несколько примеров этого стиля.

Текст камня, найденного при раскопках в мавзолее на Булгарском городище (превращенном в XVIII в. в Никольскую церковь) и находящегося ныне в стене вестибюля Научной библиотеки Казанского государственного университета (дата — 1291 г.), см. в табл. 4.

В чтении этого текста, приведенного Н. Ф. Катановым и принятого некоторыми другими учеными,¹¹ нами не дается заглавное **الله** 'Аллах', как совершенно отсутствующее. Эта ошибка в чтении вызвана палеографическими особенностями написания традиционной формулы **هوالمى الزلا يموت** под аркой, где жирно высеченные стволы „алифа“, расположенные близко друг к другу, на первый взгляд оставляют впечатление, что это именно стволы слова **الله**; в ошибочности такого чтения легко можно убедиться при тщательном рассмотрении этой формулы. Эпитеты и титул, приведенные в тексте, не оставляют сомнения в принадлежности покойницы к высшему сословию.

Наиболее выделяется в отношении высокой титулатуры камень из б. Архиерейской дачи (табл. 2), принадлежащий

¹⁰ Н. Ф. Катанов, Д. Айналов. Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губ. Харьков, 1902, стр. 4 (Зеркало № 6).

¹¹ Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXI, вып. 3, Казань, 1905, стр. 264—265; Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 128; Н. Ф. Калинин. История Казани. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

„Высокому султану . . . . .
Хасан-беку сыну Мир-Махмуда“.¹² Кстати, в чтении заглавной части надписи этого камня Н. Ф. Калинин в точности повторяет ошибку Н. Ф. Катанова, несмотря на правильное чтение Ш. Марджани.¹³

Кроме этих указанных эпитафий, написанных целиком по-арабски, имеется еще до 20 памятников, принадлежащих также к I стилю (по литературным данным).¹⁴

Текст надгробия из болгарского городища (ныне в фундаменте б. Успенской церкви), исполненный на арабском и новоболгарском (I диалект) языках (дата 1311—1312 г.), см. в табл. 10.¹⁵

В отличие от чтения И. Березина, Н. Ф. Катанова и Н. Ф. Калинина,¹⁶ в пятой строке лигатуру الحى (Ильхей) мы склонны читать *ильчи*, считая это, так же как и на памятнике из мавзолея в Булгарах (табл. 4), титулатурного характера словом.

Подобного рода личное имя اياچى تيمر — имя одного из башкирских послов к Ивану Грозному — мы видим в башкирском родословии.¹⁷ *Ильчи* (الحى) в смысле „правитель“ имеет место в древнетюркских рунических надписях, найденных на Дону,¹⁸ в которых М. И. Артамонов считает возможным видеть „памятники не только хазарского периода, но и хазарского или болгарского языка“.¹⁹

Интересен текст надгробия из Булгарского городища, написанный на новоболгарском языке, копия с которого была снята „врачом казанской больницы Н. А. Толмачевым, типографскими чернилами по наставлению академика Френа“.²⁰ Ныне памятник этот утрачен (дата — 1317 г., табл. 15).²¹

¹² Ш. Марджани. Мустāфад ал-ахбār фй ахвālй Казāн вэ Булгār, т. 1, стр. 28.

¹³ Там же.

¹⁴ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 110—117; Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 127.

¹⁵ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 116.

¹⁶ Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии, стр. 54; Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар, стр. 97—98.

¹⁷ С. Мирасов. Родословие башкир. Журнал „Башкорт аймагы“, 1927, № 4, Уфа, стр. 4—5. (На башкирском языке).

¹⁸ А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения. . . , стр. 274.

¹⁹ М. И. Артамонов. Надписи на баклажках. . . , стр. 263.

²⁰ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 118—119.

²¹ Там же, стр. 119.